

ВСЕМИРНАЯ
КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Александр Дюма
ТРИ МУШКЕТЁРА

Иллюстрации Мориса Лелуара

Москва
2020

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фра)-44
Д 96

Дюма, Александр.

Д 96 Три мушкетера : [пер. с фр.] / Александр Дюма ;
ил. М. Лелуара. — Москва : Эксмо, 2020. — 816 с. : ил.
(Всемирная классика приключений).

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-72733-9

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА,

где устанавливается, что в героях повести, которую мы будем иметь честь рассказать нашим читателям, нет ничего мифологического, хотя имена их и оканчиваются на «ос» и «ис»

год назад, занимаясь в Королевской библиотеке разысканиями для моей «Истории Людовика XIV», я случайно попал на «Записки г-на д'Артаньяна», напечатанные в Амстердаме, у Пьера Ружо, как большая часть сочинений этой эпохи, авторы которых хотели говорить правду без более или менее короткого знакомства с Бастилией. Заглавие соблазнило меня; я унес книгу домой, — разумеется, с дозволения главного библиотекаря, — и прочел ее с жадностью.

Я не имею намерения подробно разбирать это любопытное сочинение, а только обращаю на него внимание тех из моих читателей, которые умеют ценить картины прошлого. Они найдут здесь портреты, набро-

санные рукою мастера, и хотя эти зарисовки украшают, по большей части, ворота казарм и стены кабаков, читатели все же узнают в них образы Людовика XIII, Анны Австрийской, Ришелье, Мазарини и других придворных того времени, изображенных так же верно, как и в истории г-на Анкетеля¹.

Но, как известно, своевольный ум писателя иной раз поражает то, что оставляет равнодушным обычного читателя. Мы вполне оценили, — как и многие, без сомнения, оценят, — указанные стороны этой книги; но особенно нас заняло нечто такое, на что никто до нас, наверное, не обратил внимания.

Д'Артаньян рассказывает, что, явившись впервые к капитану королевских мушкетеров де Тревилю, он встретил в его приемной трех молодых людей, служивших в том же знаменитом полку, куда и сам он мечтал быть зачисленным, и что звали их Атосом, Портосом и Арамисом.

¹ Аббат Луи-Пьер Анкетиль (1723–1806) — автор четырнадцатитомной «Истории Франции».

Надо признать, странные имена поразили нас; тотчас пришло нам на ум, что это псевдонимы, под которыми д'Артаньян скрыл имена, может быть, знаменитые, если только не сами носители этих вымышленных прозвищ выбрали их себе в тот день, когда по прихоти, с досады или по бедности надели простой мушкетерский плащ.

С тех пор мы не знали покоя, стараясь найти в сочинениях того времени хоть какой-нибудь след этих необыкновенных имен, так сильно возбудивших наше любопытство.

Одно только перечисление книг, прочитанных нами с этой целью, составило бы целую главу, быть может, весьма поучительную, но едва ли очень занимательную для наших читателей. Скажем только, что в ту минуту, когда, утомясь бесплодными разысканиями, мы уже решили бросить их, мы нашли наконец, руководствуясь советами нашего знаменитого и ученого друга Поле-на Пари, рукопись *in folio*, под № 4772 или 4773, — не помним точно, — озаглавленную:

«Воспоминания графа де Ла-Фер о некоторых событиях, происшедших во Франции в конце царствования короля Людовика XIII и в начале царствования короля Людовика XIV».

Можно вообразить, сколь велика была наша радость, когда, перелистывая эту рукопись, последнюю нашу надежду, мы встретили на двадцатой странице имя Атоса, на двадцать седьмой — имя Портоса, а на тридцать первой — имя Арамиса.

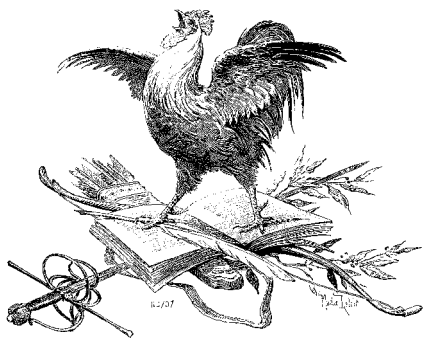
Открытие совершенно неизвестной рукописи в такую эпоху, когда историческая наука достигла столь высокой степени развития, показалось нам едва ли не чудом. Поэтому мы поспешили испросить дозволения напечатать ее, дабы явиться когда-нибудь с чужим багажом в Академию Надписей и Изящной Словесности, если нам не удастся — что весьма вероятно — быть принятыми во Французскую Академию со своим собственным. Просимое дозволение, надо сказать, было нам весьма любезно дано, о чем мы здесь и объявляем,

АЛЕКСАНДР ДЮМА

дабы публично обличить тех недоброжелателей, которые утверждают, будто мы живем при правительстве, не очень-то расположенном к литераторам.

Ныне мы представляем нашим читателям только первую часть этой драгоценной рукописи, дав подобающее заглавие, и обязуемся немедленно издать и вторую, если первая — в чем мы не сомневаемся — будет иметь тот успех, которого она достойна.

А пока, так как восприемник — второй отец, приглашаем читателя отнести на наш, а не графа де Ла-Фер счет свое удовольствие или скуку. Теперь же переходим к нашей повести.

Глава первая

Три дара господина д'Артаньяна-отца

В первый понедельник апреля месяца 1625 года местечко Менг, в котором родился автор «Романа Розы»¹, было охвачено таким смятением, как будто гугеноты собрались превратить его во вторую Ла-Рошель². Некоторые из жителей при виде женщин, бегущих по направлению к главной улице, и детей, орущих у порогов своих домов, торопливо надевали доспехи и, вооружившись для большей верности кто мушкетом, кто бердышом, спешили к трактиру «Вольный мельник», перед которым волновалась шумная толпа любопытных, возраставшая с каждой минутой.

В те времена подобный переполох был делом обыкновенным, и редкий день проходил без того, чтобы тот или другой город не вносил в свою летопись подобного события. То враждовали между собою знатные господа; то король воевал с кардиналом; то испанцы воевали с королем. Помимо этих войн, неизвестных или известных, скрытых или явных, были еще воры, нищие, гугеноты, бродяги и слуги, воевавшие с целым светом. Горожане вооружались против воров, бродяг и слуг; часто против знатных вельмож и гугенотов; иногда против короля; но против кардинала и испанцев — никогда. Подобная привычка привела к тому, что в вышеназванный первый понедельник апреля месяца 1625 года горожане, услышав шум и не видя ни желтых с красным значков, ни ливрей слуг герцога Ришелье, бросились к трактиру «Вольный мельник».

¹ Жан Клопинель (XIII в.) — автор второй части знаменитой поэмы, начатой Гильомом де Лоррисом.

² Ла-Рошель — порт на берегу Атлантического океана, оплот гугенотов, взятый после упорной осады кардиналом Ришелье в 1628 г.

Там только каждый и мог уяснить причину суматохи. Молодой человек... Опишем вкратце его портрет: вообразите себе Дон-Кихота в восемнадцать лет, Дон-Кихота без лат и набедренников; Дон-Кихота, одетого в шерстяной камзол, синий цвет которого превратился в неопределенный оттенок зеленоватого с тускло-голубым. Лицо продолговатое и смуглое, высокие скулы — признак хитрости, мускулы челюстей чрезвычайно развитые — признак, по коему безошибочно узнают гасконца¹, даже если он без берета, а на нашем герое был берет с каким-то пером, глаза большие, взгляд умный, нос с горбинкой, но тонкий и красивый, рост слишком высокий для юноши и недостаточно высокий для взрослого мужчины; неопытный глаз принял бы его за путешествующего сына какого-нибудь зажиточного крестьянина, если бы не длинная шпага на кожаной перевязи, которая была по икрам владельца, когда он ходил пешком, и по взерошенной шерсти его лошади, когда он ехал верхом.

Ибо у нашего юноши был конь, и конь этот был столь замечателен, что его не преминули заметить: это был беарнский² конек, лет двенадцати, а может, и четырнадцати, буланой масти, с облезлым хвостом и подсединами на ногах. Мерин этот, хоть и трусил, опустив низко морду, что избавляло его хозяина от применения мартингала³, пробегал, однако, свободно по восемь лье в день. К сожалению, достоинства этой лошади были настолько заслонены ее странною мастью и нескладным видом, что в те времена, когда каждый был знатоком в лошадях, появление вышеуказанного мерина в Менге, куда он вступил за четверть часа перед тем через Божансийские ворота, произвело впечатление, невыгодно отразившееся на самом всаднике.

Это впечатление было тем тягостнее для молодого д'Артаньяна — так звали Дон-Кихота, восседавшего на

¹ Гасконь — область на юге Франции.

² Беарн — область на юге Франции, у подножия Пиренеев.

³ Мартингал — ремень, мешающий лошади закидывать голову.

этом новом Россинанте, — что он не мог не сознавать, сколь смешным должен был казаться на подобной лошади даже такой отличный всадник, как он сам; недаром он тяжело вздыхал, принимая ее в дар от д'Артаньяна-отца. Он хоть и знал, что скотина эта стоит в лучшем случае ливров двадцать, но нельзя не признать, что слова, коими сопровождался этот подарок, были бесценны.

— Сын мой, — сказал гасконский дворянин на чистом беарнском наречии, от которого Генрих IV¹ так и не смог отвыкнуть, — сын мой, этот конь родился в доме вашего отца тринадцать лет тому назад и с тех пор не покидал его. Это должно побудить вас любить его. Не продавайте его никогда, пусть он спокойно и честно умрет от старости; и если вы будете с ним в походе, то берегите его, как берегли бы старого слугу. При дворе, — продолжал д'Артаньян-отец, — если вы будете иметь честь явиться к нему, честь, на которую, впрочем, старое дворянство наше дает вам право, — поддержите достойным образом ваше дворянское имя, которое предки ваши носили с честью более пятисот лет, ради себя и ради своих близких. Близкими я называю ваших родственников и друзей. Не уступайте никому ни в чем, кроме короля и кардинала. Мужеством и только мужеством дворянин может ныне проложить себе дорогу. Кто дрогнет хоть на секунду, может быть, именно в эту секунду упустит шанс, который предоставила ему судьба. Вы молоды, вы должны быть храбры по двум причинам: во-первых, потому, что вы гасконец, а во-вторых, потому, что вы мой сын. Не бойтесь опасностей и ищите приключений. Я научил вас владеть шпагой; у вас железные ноги и стальная рука; сражайтесь, деритесь на дуэли при всяком удобном случае, тем более что поединки теперь запрещены, а поэтому для них нужно вдвое более мужества. Я могу вам дать, сын мой, только пятнадцать экю, мою лошадь и советы, ко-

¹ Генрих IV Бурбон (1553–1610) — французский король (1589–1610).

торые вы уже выслушали. Ваша матушка присоединит к этому полученный ею от цыганки рецепт некоего бальзама, чудодейственно исцеляющего всякие раны, кроме сердечных. Употребите все это себе на пользу и будьте счастливы и живите долго. Я прибавлю только одно слово: предлагаю вам пример, не мой, потому что сам я никогда не являлся ко двору и только волонтером служил в войну за веру; я говорю о господине де Тревиле, который когда-то был моим соседом. Он еще ребенком имел честь играть с нашим маленьким королем Людовиком XIII¹, да продлит господь дни его. Иногда игры их доходили до драки, причем король не всегда оставался победителем; тумачи, которые он получил от господина де Тревиля, внушили королю уважение

¹ Людовик XIII (1601–1643) – французский король (1610–1643).

и расположение к де Тревиллю. Впоследствии господин де Тревиль, во время первой своей поездки в Париж, дрался на дуэли пять раз, со времени смерти покойного короля до совершеннолетия молодого — семь раз, не считая войн и осад; а от этого совершеннолетия и поныне, — может быть, сто раз! И, несмотря на все указы, постановления, предписания и аресты, ныне он капитан мушкетеров¹, то есть легиона героев, которым весьма гордится король и которого побаивается сам кардинал, а он, как всем известно, мало чего побаивается. Кроме того, господин де Тревиль получает десять тысяч экю в год, следовательно, он большой вельможа. Он начал, как вы, ступайте к нему с этим письмом и действуйте, как он, чтобы преуспеть подобно ему.

Затем д'Артаньян-отец опоясал сына собственной своею шпагою, нежно поцеловал его в обе щеки и благословил.

Выходя из комнаты отца, юноша увидел свою мать, поджидавшую его со знаменитым рецептом, которому, судя по приведенным нами выше советам, предстояло частое употребление. Прощание с матерью длилось дольше и было нежнее, нежели с отцом, не потому, что господин д'Артаньян не любил своего сына, единственного своего детища, но он был мужчина и счел бы недостойным мужчины предаться своему чувству, а госпожа д'Артаньян была женщина и к тому же мать. Она много плакала, и скажем к хвале д'Артаньяна-сына, сколь он ни силился казаться мужественным, как приличествует будущему мушкетеру, но природа взяла свое: он заплакал и тщетно пытался скрыть свои слезы.

В тот же день юноша отправился в путь, снабженный тремя отцовскими дарами, состоявшими, как сказано выше, из пятнадцати экю, коня и письма к господину де Тревиллю. Советы, само собой разумеется, в счет не шли.

С таким напутствием юный д'Артаньян оказался нравственно и физически точной копией героя Сервантеса,

¹ Мушкетеры — один из наиболее привилегированных отрядов французской гвардии.